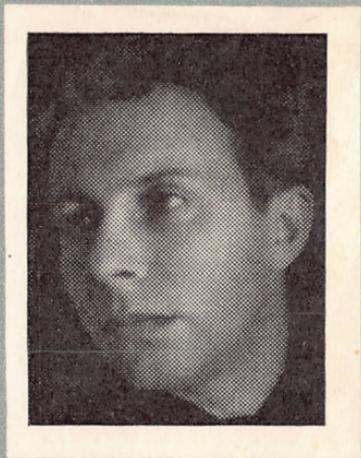

БИБЛИОТЕЧКА ИЗБРАННОЙ ЛИРИКИ

АЛЕКСАНДР
МЕЖИРОВ

Библиотечка
избранной
лирики

АЛЕКСАНДР
МЕЖИРОВ

Издательство ЦК ВЛКСМ
„Молодая гвардия“
1967

Редакционная коллегия:

**И. ГРУДЕВ, Ю. ДРУНИНА,
С. НАРОВЧАТОВ, В. ОСИПОВ,
Б. РУЧЬЕВ, Я. СМЕЛЯКОВ,
Н. ТИХОНОВ, ВАС. ФЕДОРОВ**

Межиров Александр Петрович
ИЗБРАННАЯ ЛИРИКА. М., «Молодая
гвардия», 1967.
32 стр. («Б-чка избранной лирики»).

Редактор *И. Грудев*
Художник *А. Власова*
Худож. редактор *Н. Коробейников*
Техн. редактор *В. Майоров*

Сдано в набор 6/VI 1967 г. Подписано к пе-
чати 14/XII 1967 г. А14487. Формат 70×108¹/₃₂.
Бумага типографская № 3. Печ. л. 1 (усл. 1,4).
Уч.-изд. л. 1,4. Тираж 160 000 экз. Цена 14 коп.
Т. П. 1967 г., № 385. Заказ 1218.
Типография изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая
гвардия». Москва, А-30, Сушцевская, 21.

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Я познакомился со стихами Александра Межирова и с ним самим вскоре после окончания Отечественной войны. Я не помню, то ли я узнал сначала самого поэта, то ли его стихи, но у меня в памяти они неразрывно слились — 'его облик, его строки, его голос, его стихотворения, тем более что он читал их мне на узенькой скамеечке, стоящей во дворе дома на Большой Молчановке, недалеко от моего окна, до которого он меня провожал из поздних гостей.

Я жадно слушал его, потому что в моем понимании это был поэт нового советского поколения, ушедший в войну почти мальчиком и вернувшийся оттуда почти ветераном. Тут была не только смена поколений советской поэзии, но и знакомство поколений Советской страны, знакомство, освещенное талантом Межирова. Я нарочито ставлю акцент на слове «талант», потому что под этим словом понимаю не только случайную одаренность, но и выражение самой сущности, самых сокровенных ценностей, принесенных временем.

Я слушал его с внимательным любопытством. И с таким же пристальным любопытством слежу за

тем, что он делает вот уже на протяжении двух десятков лет.

Межиров настоящий поэт. Как у всякого поэта, у него, кроме очень удавшихся стихов, есть стихи средние, проходные, более того, есть стихи неудачные. Но мне нравятся и неудачные, потому что в каждом из них я вижу поиск, вижу задачу, какую ставил он перед собою. И мне это всегда по меньшей мере интересно, а нередко доставляет истинное наслаждение.

Я нарочито не называю стихотворений и не останавливаюсь на тех или иных его строках. Мне просто хочется в этом кратком вступлении заранее ввести читателя в сложное, энергичское восприятие поэтом окружающего его мира. Оно не соответствует моему восприятию, и тем более мне значительно и важно некоторое время побыть в остром и сильном мире поэзии, который на страницах своих стихов создает человек следующего за нами поколения поэтов России.

Не только от своего имени, а от имени поэтов нашего возраста я рад возможности сказать читателям Межирова, что традиции русской поэзии, самой большой и настоящей, живут и развиваются в стихах поэта, маленькую книжицу которого я с удовольствием предваряю этими строками.

ЯРОСЛАВ СМЕЛЯКОВ

КОММУНИСТЫ, ВПЕРЕД!

Есть в военном приказе
Такие слова,
На которые только в тяжелом бою
(Да и то не всегда)
Получает права
Командир, поднимающий роту свою.

Я давно понимаю
Военный устав
И под выкладкой полной
Не горблюсь давно.
Но, страницы устава до дыр залистав,
Этих слов
До сих пор
Не нашел
Все равно.

Год двадцатый,
Коней одичавших галоп.
Перекоп.
Эшелоны. Тифозная мгла.
Интервентская пуля, летящая в лоб, —
И не встать под огнем у шестого кола.

Полк
Шинели
На проволоку побросал,
Но стучит над шинельным сукном пулемет,
И тогда
 еле слышно
 сказал
 комиссар:

— Коммунисты, вперед! Коммунисты,
вперед!

Есть в военном приказе
Такие слова!
Но они не подвластны
Уставам войны.
Есть —
Превыше устава —
Такие права,
Что не всем
Получившим оружие
Даны...

Сосчитали штандарты побитых держав,
Тыщи тысяч плотин
Возвели на реках.
Целину подымали,
Штурвалы зажав
В заскорузлых,
Тяжелых
Рабочих
Руках.

И пробило однажды плотину одну
На Свирьстрое, на Волхове иль на Днепре.
И пошли головные бригады
Ко дну,
Под волну,
На морозной заре,
В декабре.

И когда не хватало
«Предложенных мер...
И шкафы с чертежами грузили на плот,
Еле слышно
сказал

молодой инженер:
— Коммунисты, вперед! Коммунисты,
вперед!

Летним утром
Граната упала в траву,
Возле Львова
Застава во рву залегла.
«Мессершмитты» плеснули бензин
в синеву —
И не встать под огнем у шестого кола.

Жгли мосты
На дорогах от Бреста к Москве.
Шли солдаты,
От беженцев взгляд отводя.
И на башнях
Закопанных в пашни КВ
Высыхали тяжелые капли дождя.

И без кожуха
Из сталинградских квартир
Бил «максим»,
И Родимцев ощупывал лед.
И тогда
еле слышно
сказал
командир:
— Коммунисты, вперед! Коммунисты,
вперед!

Мы сорвали штандарты
Фашистских держав,
Целовали гвардейских дивизий шелка
И, древко
Узловатыми пальцами сжав,
Возле Ленина
В Мае
Прошли у древка...

Под февральскими тучами
Ветер и снег,
Но железом нестынушим пахнет земля.
Приближается день.
Продолжается век.
Индевеют штыки в караулах Кремля.

Повсеместно,
Где скрещены трассы свинца,
Где труда бескорыстного неупорот,
Сквозь века,
на века,
навсегда,
до конца:
— Коммунисты, вперед! Коммунисты,
вперед!

ВОСПОМИНАНИЕ О ПЕХОТЕ

Пули, которые посланы мной,
не возвращаются из полета,
Очереди пулемета
режут под корень траву.
Я сплю,
положив голову
на Сиявинские болота,
А ноги мои упираются
в Ладогу и в Неву.
Я подымаю веки,
лежу усталый и заспанный,
Слежу за костром неярким,
ловлю исчезающий зной.
И когда я
поворачиваюсь
с правого бока на спину,
Сиявинские болота
хлюпают подо мной.
А когда я встаю
и делаю шаг в атаку,
Ветер боя летит
и свистит у меня в ушах,
И пятится фронт,
и катится гром к рейхстагу,
Когда я делаю
свой
второй
шаг.

СТИХИ О МАЛЬЧИКЕ

Мальчик жил на окраине города Колпино.
Фантазер и мечтатель.

Его называли лгунишкой.
Много самых веселых и грустных историй
накоплено
Было им
за рассказом случайным,
за книжкой.

По ночам ему снилось — дорога гремит
и пылится
И за конницей гонится рыжее пламя во ржи.
А наутро выдумывал он небылицы —
Просто так.
И его обвиняли во лжи.

Презирал этот мальчик солдатиков оловянных
И другие веселые игры в войну,
Но окопом казались ему придорожные
котлованы —
А такая фантазия ставилась тоже в вину.

Мальчик рос и мужал на тревожной, недоброй
планете,
И когда в сорок первом году, зимой,
Был убит он,
в его офицерском планшете
Я нашел небольшое письмо домой.

Над оврагом летели холодные белые тучи
Вдоль последнего смертного рубежа.
Предо мной умирал фантазер невезучий,
На шинель
кучерявую голову полова.

А в письме были те же мальчишечьи небылицы.
Только я улыбнуться не мог...
Угол серой, исписанной плотно страницы
Кровью намок.

...За спиной на ветру полыхающий Колпино,
Горизонт в невеселом косом дыму.
Здесь он жил.

Много разных историй накоплено
Было им.

Я поверил ему.

ПРОВОДЫ

Без слез проводили меня...
Не плакала, не голосила,
Лишь крепче губу закусила
Видавшая виды родня.

Написано так на роду...
Они, как седые легенды,
Стоят в сорок первом году,
Родители-интеллигенты.

Их предки в эпохе былой,
Из дальнего края нагрянув,
Со связками бомб под полой
Встречали кареты тиранов

И шли на крутой эшафот,
Оставив полжизни в подполье, —
Недаром в потомках живет
Способность не плакать от боли.

Меня проводили без слез,
Не плакали, не голосили,
Истошно кричал паровоз,
Окутанный клубами пыли.

Неведом наш путь и далек,
Живыми вернуться не чаем,
Сухой получаем паек,
За жизнь и за смерть отвечаем.

Тебя повезли далеко,
Обритая наспех пехота...
Сгущенное пить молоко
Мальчишке совсем неохота.

И он изо всех своих сил,
Нехитрую вспомнив науку,
На банку ножом надавил,
Из тамбура высунул руку.

И вьется, густа и сладка,
Вдоль пульманов пыльных состава
Тягучая нить молока —
Последняя в жизни забава.

Он вспомнит об этом не раз,
Блокадную пайку глотая.
Но это потом, а сейчас
Беспечна душа молодая.

Но это потом, а пока,
Покинув консервное лоно,
Тягучая нить молока
Колеблется вдоль эшелона.

Пусть нечем чай подсластить,
Отныне не в сладости сладость, —
И вьется молочная нить, —
Последняя детская слабость.

Свистит за верстою верста,
В теплушке доиграно действие,
Консервная банка пуста.
Ну вот и окончилось детство.

КАЛЕНДАРЬ

Покидаю Невскую Дубровку,
Кое-как плетусь по рубежу —
Отхожу на переформировку
И остатки взвода увожу.

Армия моя не уцелела,
Не осталось близких у меня
От артиллерийского обстрела,
От косоприцельного огня.

Перейдем по Охтенскому мосту
И на Охте станем на постой —
Отдирать окопную коросту,
Женскую пленяться красотой.

Охта деревянная разбита,
Растащили Охту на дрова.
Только жизнь, она сильнее быта:
Быта нет, а жизнь еще жива.

Богачов со мной из медсанбата,
Мы в глаза друг другу не глядим —
Слишком борода его щербата,
Слишком взгляд угрюм и нелюдим.

Слишком на лице его усталом
Борозды о многом говорят.
Спиртом неразбавленным и салом
Богачов запасливый богат.

Мы на Верхней Охте квартируем.
Две сестры хозяйствуют в дому,
Самым первым в жизни поцелуем
Памятные сердцу моему.

Помню, помню календарь настольный,
Старый календарь перекидной,
Записи на нем и почерк школьный,
Прежде — школьный, а потом — иной.

Прежде — буквы детские, смешные;
Именины и каникул дни.
Ну, а после — записи иные,
Иначе написаны они.

Помню, помню, как мало-помалу
Голос горя нарастал и креп:
«Умер папа». «Схоронили маму».
«Потеряли карточки на хлеб».

Знак вопроса — иступленно-дерзкий.
Росчерк — бесшабашно удалой.
А потом — рисунок полудетский:
Сердце, пораженное стрелой.

Очерк сердца зыбок и неловок,
А стрела перната и мила —
Даты первых переформировок,
Первых постоянцев имени.

Друг на друга буквы повалились,
Сгрудились недвижно и мертво.
«Поселились. Пили. Веселились».
Вот и все. И больше ничего.

Здесь и я с другими в соучастье.
Наспех фотографии даря,
Переформированные части
Прямо в бой идут с календаря.

Дождь на стеклах искажает лица
Двух сестер, сидящих у окна,
Переформировка длится, длится,
Никогда не кончится она.

Наступаю, отхожу и рушу
Все, что было сделано не так.
Переформировываю душу
Для грядущих маршей и атак.

Вижу вновь, как, в час прощаясь ранний,
Ничего на память не берем.
Умираю от воспоминаний
Над перекидным календарем.

СЕРПУХОВ

Прилетела, сердце рая,
Телеграмма из села.
Прощай Дуня, моя няня,
Ты жила и не жила.
Паровозов хрипый хохот,
Стылых рельс двойная нить,
Заворачиваюсь в холод,
Уезжаю хоронить.
В Серпухове, на вокзале,
В очереди на такси:
— Не посадим, —

мне сказали, ·

Не посадим. Не проси.
Мы начальников не возим,
Наш обычай не таков, —
Ты пройдишь-ка пѣхом восемь
Километров до Данков.
А какой же я начальник
И за что меня винить?
Не начальник я —

печальник,

Еду няню хоронить.
От безмерного страданья
Голова моя бела.
У меня такая няня,
Если б знали вы,
Была.
И жила большая сила
В няне маленькой моей,
Двух детей похоронила,
Потеряла двух мужей.
И судить ее не судим,
Что, с землей порвавши связь,
К присоветованным людям
Из деревни подалась.
Может быть, не в этом дело,
Может, в чем-нибудь другом...
Все, что знала и умела,

Няня делала бегом.
Вот лежит она, не дышит,
Стужей лик покойный пышет,
Не зажег никто свечу.
При последней встрече с няней
Вместо вздохов и стенаний
Стиснул зубы и молчу.
Не скажу о ней ни слова,
Потому что все слова —
Золотистая полба,
Яровая половá.
Сами вытащили сани,
Сами лошадь запрягли,
Гроб с холодным телом няни
На кладбище повезли.
Хмур могильщик. Возчик зол.
Маются от скуки оба,
Ковыляют возле гроба.
От сугроба до сугроба
Путь на кладбище тяжел.
Вдруг из ветхого сарая
На данковские снега,
Кувыряясь и играя,
Выкатились два щенка.
Сразу с лиц слетела скука,
Не осталось ни следа:
Все же выходила сука,
Да в такие холода...
И возникнул, вроде скрипок,
Неземной какой-то звук,
И подобие улыбок
Лица осветлило вдруг.
А на Сретенке, в клетушке,
В полутемной мастерской,
Где на каменной подушке
Спит Владимир Луговской,
Знаменитый скульптор Эрнст
Неизвестный
глину месит.
Весь в поту, не спит, не ест,

Руководство МОСХа бесит,
Не дает скучать Москве,
Не дает засохнуть глине, —
По какой-то там из линий,
Слава богу, мы в родстве.
Он прервет свои исканья,
Когда я к нему приду,
И могильную плиту
Няне вырубит из камня.
Ближе к пасхе дождь заладит,
Снег сойдет, земля осядет —
Подмосковный чернозем.
По весенней глине свежей,
По дороге непроезжей
Мы надгробье повезем.
Ну так бей крылом, беда,
По моей веселой жизни,
И на ней

ясней

оттисни

Образ няни — навсегда.

Родина моя, Россия...
Няня... Дуня... Евдокия...

САРАТОВ

В Саратове меня не долечили,
Осколок из ноги не извлекли,
В потертую шинельку облачили,
На север в эшелоне повезли.

А у меня невынутый осколок
Свербит и ноет в стянутой ступне,
И смотрят люди со щербатых полок —
Никак в теплушку не забраться мне.

Военная Россия вся в тумане,
Да зарева бесшумные вдали,

Саратовские хмурые крестьяне
В теплушку мне забраться помогли.

На полустанках воду приносили
И теплое парное молоко.
Руками многотрудными России
Я был обласкан просто и легко.

Они своих забот не замечали,
Не докучали жалостями мне,
По сыновьям, наверное, скучали,
А возраст мой сыновним был вполне.

Они порою выразятся круто,
Порою скажут нежного нежней,
А громких слов не слышно почему-то,
Хоть та дорога длится тридцать дней.

На нарах вместе с ними я качаюсь,
В телятнике на Ладогу качу,
Ни от кого ничем не отличаюсь
И отличаться вовсе не хочу.

Перед костром в болотной прорве стыну,
Под разговоры долгие дремлю,
Для гати сухой валю в трясины,
Сухарь делю, махоркою дымлю.

Мне б надо биографию дополнить,
В анкету вставить новые слова,
А я хочу допомнить.
Все допомнить,
Покамест жив и память не слаба.

О этих рук суровое касанье,
Сердца большие, полные любви,
Саратовские хмурые крестьяне,
Товарищи любимые мои!

С ВОЙНЫ

Нам котелками
нынче служат миски,
Мы обживаем
этот мир земной,
И почему-то проживаем в Минске,
И осень хочет сделаться зимой.

Знакомим с опереттою друг друга
И самокрутки скручиваем туго...

Поклонником я был.
Мне страшно было.
Актрисы раскурили всю махорку.
Шел дождь.
Он пробирался на галерку,
И первого любовника знобило.

Мы жили в Минске муторно и звонко
И пили спирт, водой не разбавляя,
И нами верховодила девчонка,
Беспечная, красивая и злая.

Наш бедный стол
всегда бывал опрятен —
И вероятно, только потому,
Что чистый спирт
не оставляет пятен.
Так воздадим же должное ему!

Еще война бандеровской гранатой
Влетала в полуночное окно, —
Но где-то рядом, на постели смятой,
Спала девчонка
нежно и грешно.

Она недолго верность нам хранила —
Поцеловала, встала и ушла.

Стенали яростно,
 навзрыд
Одной-единой страсти ради
На полустанке — инвалид
И Шостакович — в Ленинграде.

* * *

Паровозного пара шквалы
Вырываются из-под моста,
Смоляные лоснятся шпалы,
За верстою свистит верста.

Жизнь железной была дорогой,
Версты — годы, а шпалы — дни.
На откосе, в земле пологой,
Возле рельсов похорони.

По какой летел магистрали,
До сих пор не забыть никак.
Буксы тлели и прогорали,
Зубы ныли на сквозняках.

Кое-как заберусь в телятник,
На разъезде куплю молоко,
Подстелю под голову ватник,
Сплю спокойно и глубоко.

А проснусь, потянусь — и вскоре
Полегчает житье-бытье.
В Туапсе начиналось море
И кончалось горе мое.

И солдаты поют на нарах —
Зарыдаешь того гляди —
В порыжелых шинелях старых,
С медальонами на груди.

Страхами надуманными сплошь
Понапрасну сам себя не мучай.
Что, солдат, очухался? Живешь?
Как живешь?

Да так. На всякий случай.

И на всякий случай подошел
К дому на Калужской.
— Здравствуй, Шура! —
Там упала на чертежный стол
Голубая тень от абажура.

Калька туго скатана в рулон.
Вот и все.
Диплом закончен.
Баста!
Шура наклонилась над столом,
Чуть раскоса и слегка скуласта.

Шура, Шура!
Как ты хороша!
Как томится жизнью непочатой
Молодая душная душа,
Как исходит ливнем сорок пятый!

О, покамест дождь не перестал,
Ров смертельный между нами вырой.
Воплощая женский идеал,
Добивайся, вей, импровизируй.

Ливень льет.
Мы вышли на балкон.
Вымокли до нитки и уснули.
Юные. В неведение благом.
В сорок пятом... Господи... В июле.

И все лето длится этот сон,
Этот сон, не отягченный снами.

Грозное небо
Колесом
Поворачивается
Над нами.

Молнии — как спицы в колесе,
Пар клубится по наружным стенам.
Черное Калужское шоссе
Раскрутилось посвистом ременным.

Даже только тем, что ты спала
На балконе в это лето зноя,
Наша жизнь оправдана сполна
И существование земное.

Ливень лил все лето.
Надо мной
Шевелился прах грозы летучий.
А война закончилась весной —
Я остался жить на всякий случай.

* * *

Все разошлись и вновь пришли.
Опять уйдут, займутся делом.
А я ото всего вдали,
С тобою в доме опустелом.

Событья прожитого дня,
И очереди у киоска,
И вести траурной полоска
Не существуют для меня.

А я не знаю ничего,
И ничего не понимаю,
И только губы прижимаю
К подолу платья твоего.

ИГРУШКА

Множество затейливых игрушек:
Буратин, матрешек и петрушек, —
Не жалея времени и сил,
Мастер легкомысленный придумал,
Души в плоть бунтующую вдунул,
Каждому характер смастерил.

Дергает за ниточку — и сразу
Буратины произносят фразу,
А матрешки пляшут и поют,
Сверхурочно вкалывают, ленятся,
Жрут антабус, друг на дружке женятся
Или же разводятся и пьют.

Мастер! Ты о будущем подумай!
Что тебе труды твои сулят?!
У одной игрушки взгляд угрюмый,
А другая опускает взгляд.
На тебя они влияют плохо,
Выщербили пошлостью твой нож.
Ты когда-то был похож на Блока,
А теперь на Бальмонта похож.

Пахнет миндалем, изменой, драмой;
Главный Буратино — еретик,
Даже у игрушки самой-самой
Дергается веко — нервный тик.

На ручонках у нее экземой
Проступает жизни суета.
Драмой пахнет, миндалем, изменой,
Приближеньем страшного суда.

Выглядит игрушка эта дико,
Так и тараторит во всю прыть.

Тщетно уповает Афродита
Мастера в продукцию влюбить.

Поклонился бы земным поклоном,
И, ножа сжимая рукоять,
Стал бы он самим Пигмалионом —
На колени не перед кем стать.

* * *

Одиночество гонит меня
От порога к порогу —
В яркий сумрак огня.
Есть товарищи у меня,
Слава богу!
Есть товарищи у меня.

Одиночество гонит меня
На вокзалы, пропахшие воблой,
Улыбнется буфетчицей доброй,
Засмеется, разбитым стаканом звеня.
Одиночество гонит меня
В комбинированные вагоны,
Разговор затевает
Бессонный,
С головой накрывает,
Как заспанная простыня.
Одиночество гонит меня. Я стою,
Елку в доме чужом наряжая,
Но не радует радость чужая
Одинокую душу мою.
Я пою.
Одиночество гонит меня
В путь-дорогу,
В сумрак ночи и в сумерки дня.
Есть товарищи у меня,
Слава богу!
Есть товарищи у меня.

ОТЕЦ

Болею,
 губы сохнут,
И над своей бедой
Бессонницею согнут
Отец немолодой.

В подвале наркомата,
В столовой ИТР,
Он прячет воровато
Пирожное эклер.

Москвой
 через метели,
По снежной целине
Пирожное в портфеле
Несет на ужин мне.

Несет гостинец к чаю
Для сына своего,
А я не замечаю,
Не вижу ничего.

Он верит, что свобода
Сама себе судья,
Что буду год от года
Честней и чище я,
Лишь вытрясть из карманов
Обманные слова.

В дыму квартальных планов
Седеет голова.

Скромна его отвага,
Бесхитростны бои —
Работает на благо
Народа и семьи.

Трудами изможденный,
Спокоен, горд и чист,
Угрюмый, убежденный,
Великий гуманист.

Прости меня
 за леность
Непройденных дорог.
За жалкую нетленность
Полупонятных строк,
За эту непрямую
Направленность пути,
За музыку немую
Прости меня, прости, —
По окружному мосту
Грохочут поезда,
В шинельку не по росту
Одет я навсегда...

ПРОЩАНИЕ СО СНЕГОМ

Вот и покончено со снегом,
С московским снегом голубым —
Колес бесчисленных набегом
Он превращен в промозглый дым.

О, сколько разных шин! Не счесть их!
Они, вертясь наперебой,
Ложатся в елочку и в крестик
На снег московский голубой.

От стужи кровь застыла в жилах,
Но вдрызг разъезжены пути, —
Погода зимняя не в силах
От истребления снег спасти.

Москва от края и до края
Голым-гола, голым-гола.

Под шинами перегорая,
Снег истребляется дотла.

И сколько б ни валила с неба
На землю зимняя страда,
В Москве не будет больше снега,
Не будет снега никогда.

* * *

Тишайший снегопад —
Дверьми обидно хлопать.
Посередине дня
В столице как в селе.
Тишайший снегопад,
Закутавшийся в хлопья,
В обувке пуховой
Проходит по земле.

Он формами дворов
На кубы перерезан,
Он конусами встал
На площадных кругах,
Он тучами рожден,
Он пригвожден железом,
И все-таки он кот
В пуховых сапогах.

Штандарты на древках,
Как паруса при штиле.
Тишайший снегопад
Посередине дня.
И я, противник од,
Пишу в высоком штиле,
И тает первый снег
На сердце у меня.

* * *

Подкова счастья! Что же ты, подкова?
Я разогнул тебя из удалства —
И вот теперь согнуть не в силах снова,
Вернуть на счастье трудные права.

Как возвратить лицо твое степное,
Угрюмых глаз неистовый разлет,
И губы, пересохшие от зноя,
И все, что жизнь обратно не вернет?

Так я твержу девчонке непутевой,
Которой все на свете трин-трава,
А сам стою с разогнутой подковой
И слушаю, как падают слова.

ОСНОВНЫЕ КНИГИ А. П. МЕЖИРОВА

(Библиографическая справка)

Дорога далека. Стихи. М., изд-во «Советский писатель», 1947.
Ветровое стекло. Стихи. М., изд-во «Советский писатель», 1961.
Стихотворения. М., Гослитиздат, 1963.
Прощанье со снегом. Стихи. М., изд-во «Советский писатель»,
1964.

СОДЕРЖАНИЕ

От составителя	3
Коммунисты, вперед!	5
Воспоминание о пехоте	8
Стихи о мальчишке	10
Проводы	11
Календарь	12
Серпухов	15
Саратов	17
С войны	19
Музыка	20
«Паровозного пара шквалы...»	21
«Наедине с самим собой...»	22
На всякий случай...	22
«Все разошлись и вновь пришли...»	24
«Не обладаю правом впасть в обиду...»	25
«Моя рука давно отвыкла...»	25
Игрушка	26
«Одиночество гонит меня...»	27
Отец	28
Прощанье со снегом	29
«Тишайший снегопад...»	30
«Подкова счастья! Что же ты, подкова?...»	31

14 коп.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ